

ОСОБЫЕ ГРАНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И НЕ ТОЛЬКО

О книге «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов» / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.

В. Л. Берсенева, С. Г. Важенин, Б. С. Павлов

Если обратиться к историческим корням такого направления экономической мысли, как институционализм, то можно обнаружить несколько парадоксальную вещь. В самостоятельное ответвление экономической теории практически одновременно с *economic* — направлением пусть и оторванным от реальности, но в целом стройным и непротиворечивым — оформилась некая «совокупность достаточно разнородных концепций», как это отмечается в «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л. И. Абалкина. Вместе с тем, тут же уточняется, что «традиционные» институционалисты пытались изучать экономические проблемы методами других обществоведческих наук. Иными словами, так было положено начало изучению хозяйственной деятельности «со стороны» — посредством анализа влияния психологических, правовых, религиозных и иных факторов (институтов) на экономику.

Современный неинституционализм ушел от такого разнообразия объектов и предметов исследования, сосредоточившись на узком определении институтов как правил и механизмов их соблюдения. Тем не менее, и в наше время не прекращаются попытки посмотреть на реалии социально-экономического развития, выходя за рамки собственно экономической науки. Достаточно вспомнить августовский номер журнала «Вопросы экономики» за 1993 г. Конечно, там встречались и забавные пассажи (вроде того, что русский крестьянин в земельном вопросе руководствовался учением Кассиана Римлянина), но в целом собранные под одной обложкой статьи наглядно показывали, как можно анализировать экономические проблемы с более широких, в полном смысле слова обществоведческих, позиций.

Летом 1993 г. трудно было ожидать, что такой подход будет применен к анализу хода недавно начавшейся экономической реформы. Сейчас, когда приближается двадцатилетний юбилей начала рыночных преобразований (если исходить из формальной даты 2 января 1992 г.), чего-то подобного следовало бы ожидать просто как реакции здорового организма на временно причиненные неудобства. И такая реакция последовала. По инициативе Российской академии наук был реализован проект «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» (науч. рук. академик О. Т. Богомолов), результатом чего стал ряд крупных публикаций, в том числе и сборник статей известных ученых-обществоведов и общественных деятелей «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние».

Сборник открывается небольшим разделом под показательным названием «Диагноз экономике России». Академики О. Т. Богомолов и Р. И. Нигматулин, а также профессор Б. И. Нигматулин обосновывают с помощью конкретных расчетов мысль, на уровне обыденного сознания уже давно воспринимаемую как аксиому: современная экономическая реформа, мягко говоря, не удалась. С ними солидарны и авторы всех последующих разделов, посвященных духовно-нравственным основам общественного развития, общественно-политическому устройству страны, ее интеллектуальному, научно-техническому и демографическому потенциалу, а также российской элите — явлению эфемерному и оттого тем более непознанному.

Конечно, в различных статьях присутствуют и статистические показатели, свидетельствующие о деградации промышленности и сельского хозяйства, развале систем образования и здравоохранения, пренебрежении к фундаментальной науке и т. д. Однако представляется, что главный посыл, точнее — главная боль авторов, заключается в осознании главной опасности, порожденной реформой, — разрушении нравственных основ российского общества.

Казалось бы, как могут соотноситься экономические преобразования, опирающиеся на уже продемонстрировавшие свою действенность теоретические постулаты (речь здесь идет не только о пресловутом «Вашингтонском консенсусе»), и такие эфемерные понятия, как нравственность и духовность? Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своей статье отвечает на этот вопрос просто: «...Экономика не является сферой исключительно материальных интересов, а безнравственная экономика — это уже

не экономика в изначальном смысле этого слова, так как служит она не созиданию, а разрушению» (с. 106).

В таком случае вполне естественным представляется другой вопрос. Почему тот страстный массовый порыв к обновлению, то желание перемен, которые собирали стотысячные митинги на рубеже 1980-1990-х гг., все эти предвестия свободы обернулись гигантским социальным расслоением, цинизмом «верхов» и безнадежным отчаянием «низов», экономическим упадком и духовным опустошением?

Авторы сборника, каждый по-своему, пытаются объяснить, почему так получилось, и надо воздать им должное в связи с одним назревшим, но долго замалчивавшимся признанием. Вообще-то и раньше было принято покрывать А. Б. Чубайса за методы и результаты приватизации, посетовать на самодурство Б. Н. Ельцина и выразить недоумение, за что же это Е. Т. Гайдара считают «последним гением XX века», но в целом команда реформаторов выступала в роли облеченных в белые одежды первопроходцев, ведущих Россию к новым светлым вершинам. Теперь же признается, что главная причина провала реформы заключается в безнравственности самих реформаторов, от рыночного романтизма быстро перешедших к рыночному прагматизму.

Дело тут даже не в том, что кумирами «преобразователей» были и остаются диссиденты-руссофобы, такие как Новодворская и прочие одиозные фигуры. Показательные цитаты из опусов этих «борцов за свободу» приводит д. и. н., профессор К. Н. Брутенц из Института экономики РАН на с. 485, хотя и у других авторов сборника можно найти цитаты из аналогичных дышащих ненавистью к России высказываний. Следует только оговориться, что в своем возмущении авторы останавливаются перед незримой чертой, стараясь не затрагивать А. Д. Сахарова. Между тем именно он выступал главным идеологом не только диссидентства, но и будущих преобразований. По крайней мере, многие из проблем 1990-х годов являлись логическим следствием предложений, заложенных в его «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». Впрочем, в степени самостоятельности общественно-научных суждений физика-теоретика до сих пор остаются большие сомнения.

Время показало, что и сами молодые реформаторы изначально не предполагали, что будут действовать чистыми руками. Один из активистов ныне уже подзабытой Межрегиональной депутатской группы на I Съезде народных депутатов СССР и сооснователь не менее подзабытой партии «Яблоко» Ю. Ю. Болдырев теперь на страницах сборника возмущается тем, как его бывшие товарищи-либералы заявляют, что коррупция — это не зло, она даже полезна, поскольку является гарантией необратимости реформ (с. 463). О том же на страницах сборника пишет заместитель директора Института экономики РАН, д. э. н., профессор С. П. Глинкина, попутно ссылаясь на еще одного из именитых диссидентов, Льва Тимофеева, заявляющего, что коррупция — это проявление здравого смысла в экономическом поведении человека (с. 437).

В таком случае и грабительская приватизация — не печальное отклонение от нормы, а цель преобразований, наделение собственностью не лучших, а наиболее безнравственных. Ю. Ю. Болдырев, очевидец и участник принятия судьбоносных решений, отмечает, что приватизация «по Чубайсу» предполагала не только разграбление, но и криминализацию общества (с. 465). В свою очередь, С. П. Глинкина приводит слова А. Лившица, бывшего помощника Ельцина и даже одно время министра экономики РФ, о том, что «активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может торпедировать все экономические реформы в России» (с. 446).

На таких идеологемах могла быть возвращена только весьма своеобразная элита, хотя здесь, скорее, следовало бы говорить о квазиэлите. Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН Р. Х. Симонян заявляет более определенно, что современные претенденты на элитарный статус представляют собой всего лишь номенклатуру. В отличие же от номенклатуры элиту нельзя «назначить», она формируется поколениями. При этом одним из имманентно присущих элите, в том числе и политической, качеств является высокая нравственность, поскольку сама по себе ответственность за состояние общества — категория нравственная (с. 739 и др.).

О том, что элита должна обладать культурным и нравственным капиталом, говорит и доктор социологических наук, профессор А. Е. Чирикова, также представляющая Институт социологии РАН (с. 714). Однако, по ее мнению, «российская политическая элита в основной своей массе отличается сиюминутной мотивацией и прагматизмом своих действий и поведения, сервильностью, отсутствием стратегического и патриотического мышления» (с. 733). Поэтому у такой элиты отсутствует модернизационный потенциал, отчего и курс на инновационное развитие не имеет перспектив. Более того, современные элитарии не осознают глубины социального раскола в обществе (с. 725).

Можно только добавить, что такое осознание просто невозможно. Заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН А. В. Юревич прямо говорит, что наши псевдолибералы предельно исказили цивилизованное понимание свободы (с. 172). Действительно, можно предполо-

жить, что К. Д. Кавелин со товарищи, познакомившись с воззрениями современных якобы продолжателей традиций либерализма в России, оказались бы, по меньшей мере, в некотором замешательстве. Сознательная ориентация на деградацию нравственности, формирование в общественном сознании терпимости к злу и прочие последствия «перехода к рынку» плохо коррелируют с представлениями идеологов крестьянской реформы 1861 г. и иных преобразований эпохи Александра II о будущем.

Могли бы недооценить страсть к несозидательному разрушению и иные кумиры наших псевдолибералов-квазиэлитариев. В частности, избранный «младореформаторами» курс преобразований предполагал распространение рыночных отношений даже на сферы, которые сам А. Смит, главный идеолог экономического либерализма, относил к «обязанностям государя». Речь идет о здравоохранении, науке и образовании.

Заведующая сектором Института экономики РАН, к. э. н. Т. В. Чубарова именно в реформе видит основную причину современного кризиса системы здравоохранения, потому что рыночный подход неприменим к этой сфере (с. 698-699). Соответственно, и система обязательного медицинского страхования как одно из воплощений неолиберальной идеи «рынок — во всех сферах» представляет собой финансовую ловушку (с. 703 и др.), а само по себе сочетание платных и бесплатных услуг понижает общий уровень функционирования системы здравоохранения.

О деградации науки, а как следствие — технико-технологического уровня материального производства, пишут в сборнике и директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН С. М. Рогов, и академик РАН из Физического института им. Лебедева РАН В. Е. Захаров, и директор Института новой экономики, академик РАН С. Ю. Глазьев и многие другие авторы. В настоящее время приходится говорить даже не о недофинансировании фундаментальной науки, а о целенаправленной кампании по дискредитации Российской академии наук как коммерчески невыгодного предприятия. Между тем возлагать на ученых ответственность за внедрение новых технологий и иных разработок — бессмысленно. Для этого существуют особые специалисты и специальные организационно-правовые формы хозяйствования, эффективность которых давно продемонстрирована на практике.

Конечно, нельзя сказать, что государство полностью игнорирует новые веяния в области научно-технического прогресса. Однако академик В. Е. Захаров весьма язвительно, хотя и справедливо, замечает, что внезапное увлечение в высших сферах власти нанотехнологиями напоминает не что иное, как «кукурузу за Полярным кругом» во времена Н. С. Хрущева (с. 511). Сюда же можно было бы отнести и «проект Сколково».

Инновационный центр Сколково принято сравнивать с Кремниевой долиной (англ. Silicon Valley, что побуждает не слишком образованных журналистов называть ее Силиконовой — почти гламурно), хотя общим у них является разве что сам факт бюджетного финансирования на стартовом этапе. В результате за несколько десятилетий в долине была накоплена мощная научная инфраструктура, которая по мере сокращения оборонного заказа в годы «разрядки» перестроилась на обслуживание высокотехнологичных секторов «гражданской» экономики.

Однако эта перестройка стала возможной потому, что американская экономика 1970-х гг была крайне восприимчива к инновациям. «Нефтяные шоки» 1973–1974 гг. и рубежа 1970–1980-х гг. потребовали массового перехода к материал- и энергосберегающим технологиям. Хотя «Шоссе 128» — инновационная зона вокруг Гарвардского университета и Массачусетского технологического института — возникала в иных условиях, ее развитие также было предопределено устойчивым спросом на инновации.

В качестве обратного примера можно привести судьбу «Киберджайи» — малайзийского аналога Сколково, торжественно открытого в пригороде Куала-Лумпура в конце 1990-х годов. К концу 2000-х годов «Киберджайя» больше представляла собой город-призрак, в котором так и не сконцентрировались высокотехнологичные компании. У нас также сырьевая ориентация экспорта порождает так называемую «голландскую болезнь», следствием которой является незаинтересованность как государства, так и предпринимательского сообщества в нововведениях, успех которых неочевиден и неоднозначен для конкретных лиц, принимающих решения. Отсюда вполне обоснованным представляется скепсис, высказываемый независимыми экспертами в отношении Сколково. Даже сама близость будущего инновационного центра к скандально известному Рублевскому шоссе не может не наводить на определенные размышления.

Не меньший скепсис вызывает и кампания по учреждению федеральных университетов, о чем пишет академик В. Е. Захаров. В частности, он сетует, что в процессе реализации этого проекта исчезают «брендовые» названия старых университетов, например, Казанского, переименованного в Приволжский (с. 511). То же самое можно было бы сказать и о создаваемом в Екатеринбурге Уральском федеральном университете, «растворяющем» в себе самодостаточный Уральский государственный уни-

верситет им. А. М. Горького. Однако гораздо большие опасения вызывает наступление на систему общего среднего образования, называемого многими аналитиками «курсом на дебилизацию населения».

Писатель А. А. Лиханов, также один из авторов сборника, указывает, что инвестировать надо в детство (с. 684). Не гигантские университеты, а современная школа должна быть в центре внимания тех, кто желает возрождения России. Когда-то О. фон Бисмарк сказал, что битву при Садовой (одно из сражений между пруссаками и австрийцами в период объединения Германии «железом и кровью») выиграл прусский школьный учитель. Что-то подобное сейчас говорит президент США Б. Обама, помещая образовательные проекты в центр своей антикризисной стратегии. Российское же министерство образования и науки действует в прямо противоположном направлении.

Заведующая центром Института экономики РАН, д. э. н. И. В. Соболева прямо отмечает, что сохраняющиеся пока конкурентные преимущества России связаны с наличием образованного населения, причем получившего необходимые знания в дореформенный период (с. 519). Тогда государственная политика в сфере образования способствовала выравниванию возможностей людей, формированию единого мировоззренческого пространства, социальной мобильности и т. д. Можно только добавить, что еще одной характерной чертой советской системы образования было нравственное воспитание, без чего невозможно не только духовное, но и экономическое возрождение России.

В связи с этим актуально напоминание об особенностях китайского варианта «социального лифта», сделанное главным научным сотрудником Института Дальнего Востока, д. э. н., профессором Л. И. Кондрашовой. Следование конфуцианскому принципу этического управления, а также идейному наследию легизма и даосизма способствовало формированию в Китае системы государственных экзаменов, позволяющей на протяжении многих столетий обеспечивать выявление самых достойных из возможных претендентов на занятие должностей различного ранга вне зависимости от их происхождения (с. 320-321). В «Запретном городе» в центре Пекина сейчас туристам показывают один из дворцов, в котором император лично принимал экзамены у лучших из лучших, собранных из разных провинций страны. Советская школа, дававшая качественное и, что немаловажно, разностороннее образование, также обеспечивала выдвижение на лидерские позиции людей «из народа» со здоровыми нравственными началами. Именно школа и сейчас может помочь восстановить человеческий, и даже шире — социальный, капитал, который позволит преодолеть отсталость как состояние ума.

О необходимости такого преодоления говорит в сборнике член-корреспондент РАН, директор Института экономических стратегий Б. Н. Кузык: «Состояние ума человека, нации, человечества, понимаемое как совокупность духовно-нравственных качеств, образованности и умения, гражданственности и ответственности, а вместе с тем впитанных этим умом традиций, цивилизационных характеристик и представлений определяет чрезвычайно многое в судьбе социума любого масштаба» (с. 138).

Таким образом, коллективный разум авторов сборника подводит к простой мысли: начав с малого, с возрождения традиций советского школьного образования и воспитания, нужно восстанавливать и иные сферы бытия, включая здравоохранение, науку и т. д., практически разрушенные реформой. Так неэкономические грани экономики станут условием преобразования российского общества на новых духовно-нравственных началах.